

18+ Георгий Георгий

Тля

Действие в трех актах

Георгий Георгий

Тля. Действие в трех актах

«Издательские решения»

Георгий Георгий

Тля. Действие в трех актах / Георгий Георгий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836913-1

«Тля» — первый склеенный роман современного писателя-модерниста, использующего новую технику Автоматического письма и потока сознания под псевдонимом Георгий Георгий. «Тля» повествует о трех позициях, трех углах зрения на человеческую жизнь и на то, что ей предшествует и что следует за ней. Главный герой — художник, выбравший своим путем работу в порноиндустрии, он становится успешным продюсером и режиссером... но только пройдя через все тяготы и лишения настоящего «поэта», творца своего времени. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-836913-1

© Георгий Георгий
© Издательские решения

Тля

Действие в трех актах

Георгий Георгий

© Георгий Георгий, 2019

ISBN 978-5-4483-6913-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не знаю с чего начать...

Обычно в таких случаях, когда «не знаешь с чего начать», можно подумать что перед вами сомнительный тип, дегенерат какой-то, которому по большому счету и нечего сказать, либо задрот, что может затирать вам любое дерьмо, без всякой на то причины и без всякого разумного умысла. Но мне-то уж точно есть о чем рассказать, уж будьте уверены. Посмотрите хоть на этот бассейн... на эти лежаки, плитку. Каждая вторая носила в себе след какой-нибудь голливудской звезды, да-да, можете мне поверить, это так. И это все принадлежит мне. Посмотрите вокруг, на фасад моего дома. Ага, он просто огромен. Колониальный стиль с прозрачными стенами. Ага, просто восхитительно. Зайдите внутрь. Посмотрите на эти гобелены на стенах, картины. А это моя любимая «Нимфы и Сатир» Адольфа Вильгельма или как там этого пидора, в общем, это не так важно. По выходным здесь собирается много народу и все они мои гости. Коллеги по работе и не только. Они пьют вино, купаются в «джакузи с шампанским», дымят дорогими сигарами. Нюхают самые новые, синтезированные самими продвинутыми «бодяжерами» порошки, глотают наимоднейшие «колеса» и курят наичистейший, чище только слезы младенца, наичистейший крек. Ну и, конечно же, трахаются. Трахаются прямо на этих вот лежаках. Трахаются как звери мать их, сзади, спереди, наискосок, бдсм, жмж, жмж, и так далее если хотите. Да, порой это заходит слишком далеко, тогда лица стираются, будто под прессом и все словно улетучивается, уплывает, в каком-то общем затяжном оргазме, но мне абсолютно похуй, пускаю хоть вверх ногами ебутся; мне оно только на руку. И если уж на чистую воду, я не без скорби в голосе, как вы это могли услышать, и не без смущения признаюсь вам, что всегда пропускаю этот пункт. Вы только ничего не подумайте. Просто у меня другая миссия, если позволите мне так выразиться. Я палю картинку, палю свет. Руки мои заняты, в них я держу камеру. Иногда меняю объективы. Иногда я держу ее двумя руками, иногда одной правой, но это ведь ничего не меняет, если вы меня понимаете. Конечно, в таких случаях очень тяжело удержаться, знаете, происходит все что угодно вплоть до того, что яйца мои наливаются словно спелые дыни, словно свинцом наливаются и тянут, тянут меня вниз. А я ничего не могу с этим поделать. Да, несомненно, не все так безнадежно, в этом вы правы. И я без особого труда мог бы решить эту проблему, если позволите, решить и не жаловаться тут вам по всякой ерунде, не надоедать по пустякам, только дело все в том, что я слишком дорожу картинкой, понимаете? слишком дорожу, это для меня очень важно, в этом-то все и дело. Но когда я выпускаю из рук камеру, аккуратно складываю ее в коробочку, предварительно промыв объективы самыми что ни на есть специальными средствами, когда я убеждаюсь, что ничего меня больше не сдерживает, тогда я становлюсь настоящим бомбиллой, если вы позволите мне так выразиться. Не знаю, что на меня находит, но все внутри будто переворачивается с хуя на голову, а точнее наоборот. И тогда я трахаюсь без остановки. Трахаюсь дни напролет. И чтобы вы ничего дурного обо мне не подумали, я буду с вами на чистоту, вы ведь за этим здесь, не так ли? Ага-ага, я и сам все понимаю, это звучит по-плебейски, если хотите, но ведь без этого, без этого я просто не смогу нормально работать.

И каждый день новая девчонка. Любая на выбор. Хотите мулатка с большой грудью, рыженькие, белокурые сучки с ангельскими такими голосками, молоденькие или постарше, ну вы понимаете, типа Кендры Луст или Эммы Старр. И мне это нравится, пиздец как нравится. Знаете, бывает, кто-то говорит что типа, мол, устал от всей этой праздности, износился, что не интересно жить такой вот рахитичной, если хотите, распыленной жизнью и всю такую прочую ерунду. Ну, так вот: бредовой ничего в своей жизни не слышал! И либо перед вами трепло полное, дегенерат, который ничего подобного никогда и не палил, а лишь хочет показать – нахрена только он это делает – показать вам свою значимость с которой, по-видимому, у него большие проблемы, ну, или задрот, что затирает вам совсем уже несносное дерьмо вместо затычек в уши. Но вы-то понимаете, что от таких вещей не устают, уж поверьте это просто невозможно, или если хотите я даже поклянусь вам, хотите? И уж совсем дикость, что бы это могло надоесть. Совсем дикость. Ну, разве вы со мной не согласны?

Но не все так ажурно, как могло показаться на первый взгляд. Есть и не очень приятные моменты. В каждом деле есть «такие» и мое не исключение. Еще есть то, что меня ужаснейшим образом мучает. И я хотел бы поделиться этим с вами. И так как вы знаете из всего выше-сказанного – я живу, что называется «активной половой жизнью», если позволите. Иногда я трахаюсь дни напролет. Естественно, зачастую перед этим я изрядно напиваюсь, и представьте себе такую картину: после многочасового траха, когда дело подходит к очередному оргазму, она занимает позу наездницы (моя любимая), впивается своими ноготками мне в плечи, закидывает голову назад, кричит, визжит в неистовстве, в полнейшем экстазе. И вот-вот из нее посыплется искры. А я, я – в адском недоумении, мне кажется, что вместо эякуляции, я вот-вот в нее пописаю. Потом я долго стою над крышкой унитаза и думаю. Думаю, и какие только мысли не приходят мне в голову. В один миг я замираю и боюсь пальцем пошевелить. Мой член напрочь отказывается писать, весь вздутый, красный; он пульсирует. Иногда я пытаюсь его подбодрить, мну его в руке. Но он слишком упрям. И какие только черные мысли не приходят мне в голову! Порой мне начинает казаться, что может быть это вредно, так перенапрягаться. У меня нет ни одного хорошего знакомого доктора (я бы называл его «доком»), к сожалению. А то бы я спросил у кого-нибудь знающего. Но со временем все плохое уходит на второй план. Это неизбежно.

Легкое порно, нелегалка, групповуха, хард-кор, «происхождение мира», три икса, или секс-фильмы для взрослых (за исключением телевизионной эротики и порнухи с грудничками) – это не только моя жизнь, это не то, что меня окружает, из чего я состою, или чем пронизано все мое существо, это приносит мне доход. Только на сей раз у меня другой подход, если позволите. На сей раз я «остаюсь за кадром», даже если это «гонзо-съемка». Моя задача: набросать броские диалоги, продумать сюжет, завернуть сценарий, самому снять и размножить на носителе. (Я почти как Орсон Уэлс в «Гражданине Кейне», если позволите). В моем распоряжении лучшие из лучших современных и «античных» порноактеров так что можно миксовать и глумиться как душе угодно. «Браззерс» по сравнению со мной – ничто. Кусок застывших фекалий на февральском ветру. Не больше. Не меньше. В этом плане я король мира, царь вселенной под названием порноиндустрия.

Но так охуенно как сейчас, было не всегда, и земля не всегда была раем.

Пришлось изрядно попотеть. И если быть с вами до конца откровенным, то руки пришлось окунуть в миллионы, миллиарды цистерн, бочек с кровью. Пришлось перевернуть кучи и кучи лейблов со всеми вытекающими отсюда последствиями, ну вы понимаете. Одно время я работал в «Грязной Америке», за месяц снимал по тридцать порнофильмов из серии

«Девушка сегодня вечером». Помню, была одна такая Джесси Монро (ударение на первый слог), в настоящей жизни кликалась она Самантой. (Потому как, одна из прерогатив профессии – не палить свое настоящее имя под псевдонимом). Можно подумать, что порнобизнес это криминал сплошной. Ну, в общем, эта самая Саманта, она с первого плана меня зацепила, не смотря на то, что была уже тогда почти вся, полностью зататуирована, ну вы сами видели. На левом предплечье: паутина с черной вдовой, (а это говорило о многом, если вы, хоть как-то сечете в языке татуировки). Но это не суть. Чуть выше лобка – три звездочки феи, что считается совсем уж попсой в нашем деле, на груди было что-то наподобие херувима пронизывающего бабочку-мутанта рапирой... я уж и не помню, а это и не важно, скажу я вам. В общем, зацепила она меня с первых секунд, аж руки дрожали всю съемку, охуеть, только вспомню как меня колотило. Ну, так вот, к чему я... есть у нас, у людей моей профессии железное правило, которое нужно выполнять. Порнорежиссер, он – что-то вроде психоаналитика, если позволите. Он не может ебаться со своими актерами. Никогда. Иначе это плохо для него кончится. Так вот она, Саманта была для меня единственным таким случаем, после этого мне и пришлось слиться из «Грязной Америки». Но я об этом не жалею. (Потому, как правило №2 – ни о чем не жалеть). Для людей моей профессии это так же беспрекословно как, например, для хирурга продезинфицировать скальпель перед операцией. Порноиндустрия не любит шуток.

Хочу рассказать про бочки с кровью...

Порноиндустрия – это своего рода элитарный универсум, если можно так выразиться. Это самый влиятельный бизнес всех существующих методов заколачивания бабла после наркоты, конечно. Но наркотики – дело чересчур травмоопасное; я слышал, что даже у Пабло Эскобара ближе к финалу его карьеры сплавилась мозги под воздействием вездесущей паранойи преследования. Более того чтобы вариться в кокаиновом картеле нужно воспринимать действительность и чувствовать себя как минимум специфически, если позволите; это вам не высморкаться, здесь уметь надо, как вы понимаете. Так же как Дон Карлеоне не вывез бы таких лишений, можно спасовать, потому, как жопа стремглав загудит, зачесется от все этого геморроя, алого с кровью геморроя, связанного с джанком и здесь больше нечего добавить. Порнобизнес – другой. Он, более теневой, если хотите, более элитарный, особенное «нелигалка». Но в плане бабла это мало что меняет, так как у верхов всплывают, как дерьмо всплывает в колодце, всплывают такие «бонусы», которые даже сложно просто представить. И речь не о миллионах ни даже о миллиардах. Речь идет о силе и власти, которые как вы понимаете нельзя купить ни за какие бумажки. Человеческая жизнь на их фоне просто кучка огрызков из гнилых яблок и не более того. Не менее. Поэтому вы никогда не услышите моего НАСТОЯЩЕГО имени. Но почти все называют меня Джонни и я как бы вроде с этим свыкся. Джонни, говорит мне как-то один тип. Мы сидели в ресторане. Там было полно народу. Люди торчали за соседним столиком, улыбались, лупились, пили шампанское. Возле нас все крутилась, крутилась полуголая официантка, ну вы понимаете, о чем я говорю. Она сразу меня зацепила. Аппетитная такая сучка. От таких я обычно мигом теряю голову. Густобровая с серыми, как две таблетки активированного угля бельмами. Ручки Барби, броский мэйк-ап, а сквозь коротенькую юбку просвечиваются кружевные трусики. В общем, сидел я за столом с одним очень и очень влиятельным типом в нашем деле, пряча под столом руки, так как вы меня понимаете, у меня случился железный стояк. Джонни, говорит он мне, смотри, говорит в глаза сучий ты сын, когда я с тобой разговариваю. И я посмотрел. Серые водянистые точки зырили прямо на меня и не двигались. Люстра над столом создавала иллюзию зеркал и изредка излучала зеленым. И большие, ничего в себе не имевшие, пустые, словно лунные впадины или еще лучше две оскверненные могилы – вот что я увидел там. Зато щеки наливались пунцом, и голова будто набухла, набухла. Из губ сыпалась эманация сухих винных паров и мертвенного окисления, простуженных на морозе и изъеденных кариесом зубов. Джонни, говорят губы, ты трахал мою жену, сучий ты сын, и я никогда, слышишь никогда, тебе этого не прощу. И я сделаю

все, слышишь все, чтобы твои яйца прибили к полу, если ты еще хоть раз посмеешь взять хренову камеру в свои грязные вонючие ручища. Ты меня понял Джонни, говорит. А я все смотрю на официантку. Вот она подошла к соседнему столику и наклонилась, чтобы поднять сервировочный нож. И я увидел ее трусики: белые как рай. Послышались звуки контрабаса и виолончели. А потом каденция из трех дерганных нот на фортепьяно и вступили барабаны. Это заиграл оркестр. Женщина в светло-зеленом платье взялась обеими руками за микрофон и запела сверлящим таким басом. Негритянка. У них у всех обычно такой голос, в особенности у BBW (big beautiful women). Худые афроамериканки пользуются популярностью у любителей ножек и экстрима. Негроиды-милфы с большими бедрами – вот товар, пользующийся ураганным спросом. Таких мы называем – «треска». Увесистые мамки с огромной задницей и сиськами до колен, словно дойная корова, зовутся – «икра». Почему икра? Я и сам, по правде вам скажу, не знаю. Такой уж профессиональный сленг, если можно так выразиться. Так вот насчет того типа. Если вам так уж интересно знать что с ним произошло, я вам скажу. Я его нейтрализовал, если можно так выразиться. Мне просто пришлось это сделать. Такой уж нас бизнес и тут ничего не попишешь. Я помню, как стоял на морозе и ждал это падло. На меня капал толи дождь, толи снег, а глаза застилал туман, из-за которого я не слышал собственных мыслей. Но я отчетливо видел, как он счастливый словно кролик Харви переходил, перепрыгивая через камушки, рассыпанные по дороге, переходил улицу. Уже стемнело, и над его подъездом горел фонарь. Он осветил его сырую шляпу холодным таким светом; желтым и холодным. Он отворил дверь, и внутрь залетела ночная поволока и пару снежинок. Это я хорошо запомнил. После его этого оскорбительного императива, если можно так выразиться, я был просто в бешенстве в таком бешенстве, что готов был застрелить эту сволочь, но это могло привлечь слишком много лишних лупил, а это мне на хер не нужно, поэтому как вы понимаете, я отказался от этой идеи. Я надел ему на шею подобие самопальной гарроты из заточенной, словно лезвие проволоки. Его голова поскакала словно мячик, брызгая кровью и оставляя кровавые следы в тех местах, где раньше были следы от грязных обмазанных шлаком подошв. Тело мгновенно обмякло и, пропустив агонию, повалилось ничком, скатилось по двери в лужу уже застоявшейся, словно комариный битум крови. Наутро все хроники и периоды разыгрывали этот неожиданный пассаж, если позволите, ЧП с влиятельным бизнесменом кто как хотел. Оказалось, что помимо всего прочего у него на депозитах висела фирма по изготовлению полиэтиленовых пакетов (кто бы мог подумать: «по изготовлению этих долбанных полиэтиленовых пакетов») и все списали на его маломальских тогдашних конкурентов. Дурацкая история. Я знал, что вам не понравится.

Еще хотелось бы поинтересоваться знаете ли вы этого типа, самого главного плейбоя? Седого такого сутулого?

Ну, так вот издох. И угадайте от чего? Никогда в жизни не отгадаете. В общем, случился у старикана удар, сердечный приступ, как таковой, (ну в его-то восемьдесят пять или сколько там это не новость). Тем более «седой» как его часто называли, сидел плотно на кокаине. Но окочурился не от этого. Умер, говорят от страха. Всю жизнь боялся собак, ну и так вот соседская собака маленькая такая, «мопс», в общем, забралась как-то к нему во двор, и вот он и обоссался от страха. А она всего лишь хотела изгадить ему коврик, ну это если на максимум, на самый крайний максимум опираться. Правда кто-то утверждает что это был некто иной как мопс Тони Монтано и смертью, той смертью которую мы подразумеваем как человеческую, ее не было, и дед сейчас лежит замороженный в капсуле и только ждет новых синтетических девиц, скачущих на его члене. Но, так или иначе... главное, что денежки ушли куда-то в Мас-сачусетс или Чикаго, к родственникам каким-то, которые его и в глаза никогда не видали. А там будьте уверены состояние! Оно, несомненно, могло быть еще больше, если бы там типа не проценты за славу, за публичность, ну вы понимаете... Плейбой это конечно круто, но с нашим делом ему и не сравниться, он там и рядом не стоял, не курил и в щели не под-

глядывал, если позволите, но все равно это вам не высморкаться здесь уметь надо. А все это гребаная фобия....

Хотелось бы напомнить вам один случай...

Всегда как лох ссался съезжать с горки там у себя на райончике, когда все о чем я вам только что рассказывал, было для меня еще не важно. Где-то на середине у меня затряслись руки, лодыжки забились о педали и я выпустил руль и дальше вы понимаете, что со мной стало: всего-то сломал пару ребер и ключицу – белый халат вытащил из меня селезенку и положил рядом на столик с инструментами. И так после этого я не ногой туда, а когда шел в магазин за хлебом, приходилось делать крюк. И вот в один день, когда терпеть такое страшное каждодневное унижение уже не было сил я взял велик, разогнался чтобы мочи и покатился. Ни хуя не вижу: кочусь. Кочусь, а сам думаю, стараюсь думать о чем-нибудь приятном, о чем-нибудь кайфовом, но ничего не получается. Мысли проскальзывают как в калейдоскопе и не за одной не получается заикнуться. Кокой-то заколдованный круг – пришло мне в голову. Тут переднее колесо подскочило на каком-то камне или бревне – черт его знает, была глубокая ночь и, ни зги не видать было. Мой байк понесло вниз, в этот момент я миллион, миллиард раз пожалел, что вообще решился на такую херню, но назад не вернешь и колеса в обратном направлении не закрутятся; руки мои снова затряслись, забились в конвульсиях, словно в них я держал отбойный молоток, а позади – лай. Дикий свирепый лай, который начал меня преследовать. Сердце или легкое, дернулось, будто в меня всадили рапиру. Я глянул через плечо: два красных огонька расплывались в искрах; они плыли за мной, именно плыли. И тут я вспомнил картину «Девять мопсов в вельботе», не знаю, зачем я это сделал, но в тот же миг два огонька кроваво-красных, словно две лампочки окрашенных в красный (знаете такие бывают при проявки фотопленки) словно две кровоточащие раны от которых разлило марганцовкой и желатином – эти два огонька выскочили на просвет позади меня. Выскочили и вдруг погасли. Вместо них за мной шакалил черный пес с опухшей шеей и ржавым ошейником. Он рахитично, (если это слово тут уместно), рахитично пускал слизь изо рта и размусоливал ее по всему подбородку. Это было похоже на мыльную пену, напоминающую серый коврик под дверью, о который вытирают ноги. Он сделал резкий выпад и захавал шнурок на моем штиблете. А я посмотрю кто-то не любит чистить зубы. Я высунулся через плечо и передо мной раскинулись груды зубного камня и кишашее червяками дупло, словно те не жились в мешке с гнилыми яблоками.

Тески разжималась, и сжимались паче.

Шнурки на моих штиблетах разъедало ядом, и я топил, чтобы было мочи, мочалил с чудовищем наперевес, и только слышно было, как бьются его кости, мышцы и жилы о камни и кряжистые чурбаны то и дело вылетающие из зарослей хны и инжира по бокам улицы. Потом в какой-то миг все стало легко и беззаботно. Но меня было, уже не остановить я взлетал; я мог бы взлететь, если захотел, если бы хватило,...остановился я уже у подножья и чувствовал себя на редкость скверно. Сердце стучало словно там-там, глотку обстрекало, словно туда залили раскаленный свинец, а глаза слезились, словно обожженные мылом или там луком. Весь я был мокрый как после ванной. Ноги ныли будто сломанные. Больше ничего не помню. А на следующее утро я обнаружил, что мой велик спиздили...

Аккуратно. Аккуратно.

Подвиньте их и садитесь. Чувствуйте себя как дома. Не бойтесь это короткошерстные питоны. Они и мухи не обижают. Подвиньте и садитесь. Чувствуйте себя как дома. Они все чувствуют. Они начинают белеть и словно потеют какой-то пахучей слизью, когда чувствуют чей-то страх. Правило №3: никогда ничего не бойтесь. Вы думаете, если бы я чего-то боялся, жил бы я в такой конуре? Конечно, нет. Правда, был один интересный случай. Я расскажу вам один интересный случай, с вашего позволения. Если вы только не возражаете, конечно?

В общем, у моего тогдашнего боса еще в «Грязной Америке» была телка типа, пассия. Ну, так вот все ребята, абсолютно каждый хотел ее, как бы это не звучало пошло, отодрать

эту киску во все имеющиеся и не имеющиеся у нее щели. Да чего они только не хотели. Ну, вы и сами все понимаете. И их за это не упрекнешь, ни разу не упрекнешь. Молоденькая. Только-только стукнуло восемнадцать. Носит обтягивающие леггинсы разных цветов, при этом, и знать не знает про трусики, вы, наверное, уже представили о чем я говорю, и еще эти знаете меховые воротнички. Она всегда плюхалась в кресло рядом с босом, закидывала ноги на раскладной стеклянный столик и бесцеремонно трахала всех глазами. Руками, она свежевала, словно тигрица раздирающая антилопу, свежевала бананы. Один за одним. Такое ощущение, что она ящиками жрала эти чертовы БАНАНЫ. Ну, так вот ребята, конечно, многое повидали, в этом у вас не должно возникать сомнений, но каждый, абсолютно каждый мечтал, грезил ей вдуть, если можно так выразиться, именно ВДУТЬ. Вместо этого они только зашивали, штопали, латали штаны, как еще можно сказать я не знаю в общем, чинили штаны и не больше, потому что все ссались боса, этого ублюдка, НОСОХЕР мы его называли, потому что шнобель его чисто вылитый хер, ну вы понимаете. Как огня боялись. Стоит ему только пройти мимо, и все затыкаются, встают по стойке и жаждут приказов. А он обычно, восседал рядом с ней, сосал сигары, лакал дорожный виски, бутылку такого можно свободно обменять на какой-нибудь старенький пикап, если хотите. Он свирепо оглядывался в полуобморочном таком состоянии и сверкал малюсенькими, словно свиными глазками. Жуткое зрелище. Был, правда, еще один тип с дурацким именем – Поли Сакс. Такое ебаное имя редко встретишь и вы, я думаю, со мной согласитесь, что нет ничего удивительного, что людей с такими именами становится все меньше и меньше. Это знаете как какой-нибудь вымирающий вид в красной книге. Последний из Могикан. Ну, так вот этот Поли Сакс, был единственным смельчаком, если можно так выразиться. Среди нас, грязных и вонючих оборванцев, как он говорил. Куцый с небольшим пузиком от полуфабрикатов с пивом у маленького телевизора в пустом доме. И нет ничего удивительного, что мне его ни капельки не жаль. Тем более странно рассуждать о гребаном католицизме, ислализме, православии..., об каких-то религиозных, нахуй не нужных обрядах погребения рассчитанных, мол, на попадание «души в рай» или что-то в таком же духе; про своеобразную эмансипацию, если хотите, освобождение... обо всем об этом сложно, и даже совершенно не по фану рассуждать, думать даже об этом не стоит, когда пред тобой на калениях извивается подобие человека, существо которое в тайне трахнуло вашу пассиву, если хотите. Более того существо довольно хвастливое и как вы понимаете, совершенно не нужное даже если оно вдруг зашептало «Отче наш» на ломаном саксонском. Поли Сакса захоронили в перелеске, неподалеку от свинофермы принадлежащей Носохеру, похоронили заживо в сделанном специально для него на заказ стальном саркофаге предварительно отрубив все пальцы на руках и ногах и вложив кляпом уже похолодевший и совершенно не кровоточащий собственный пенис, чтобы существо было молчаливым и слышало как падают куски плесневой земли на крышку саркофага, как скрипят стенки и чувствовало этот ужасающий металлический холод пронизывающий все существо, обжигающий еще пульсирующие раны... Согласен, что это не самая интересная история и вообще, наверно, она здесь совершенно не под раздачу, скажем так, тем более что я ее уже закончил. Не хочу больше говорить о гребаного Поли, о ребятах, «Грязной Америке», и своем тогдашнем босе, про этого мудилу, про все про это, даже вспоминать не хочется. Я устал, но только сейчас я понял что устал, смертельно устал от всего этого шлака. Серого со стразами под зеленой луной подпертой причудливыми кариатидами в утренних поеденных мхом платьях и горой экстаза и всяческих удовольствий...

Прошу прощения.

Искренне прошу прощения за мое резонерство, за позерство даже, если позволите. Я так быстро теряю ко всему интерес и принимаюсь прогонять новые телеги, не удосужившись окупить старые, если хотите. Я совершенно сконфужен и, наверное, уже и не вспомню к чему я все это время точил, точил без умолку. Я потерял нить. А порой когда теряешь эту дребанную нить, то попадаешь в своеобразный трип, если хотите, будто плывешь, плывешь в тумане в сером

бесконечном облаке пыли и не знаешь, сесть ли на измену или продолжать оставаться невидимым до определенного, момента, который стопудняк наступает. И тогда неизбежно потрясение, мать его! – без этого ведь никак, вы уж мне поверьте. И порой оно, это самое потрясение, если вы не возражайте, порой от него можно так охуеть, что часть кишечника опорожняется без каких-либо команд, а веки теряет свою эластичность, и трескаются, словно яичная скорлупа. Один раз что-то подобное произошло, когда я спускался по лестнице. Под ногами стелились женские пеньюары и платья, бюстгалтеры и кожаные браслеты. Музыка долбила так сильно, что я ее даже и не слышал. Просто стирало, давило, сминало виски. Я не был достаточно пьян. Двойной виски из комариного битума за барной стойкой и две дорожки кокаина по пути из клозета на танцпол сделали из меня сексуального маньяка, но не более того. Ни менее. Вечер и ночь были в самом разгаре. Женские груди – казалось, они были повсюду – терлись об меня будто им намазано, жались ко мне словно слепые котят, которых так и хочется потискать часик другой в какой-нибудь спокойной обстановке, ну вы понимаете о чем я. Но я мало обращал внимания на то, что происходило вокруг. Я пытался залезть поглубже. Не знаю, что я тогда там искал, но явно не слепых котят и не пустыни из белых песков под вечно-вечно окисленным солнцем.

За барной стойкой бармен что-то затирал одной из своих официанток. Он смотрел на нее глазами хищника, знаете, такое бывает, а когда она повернулась, он отшлепал ее – это я хорошо запомнил. Отшлепал так невинно блядь, и немного неловко, как вы сами знаете, обычно бывает, что меня чуть не вывернуло. Та в свою очередь, как ни в чем не бывало, как неприкаянная, отправилась в мою сторону. Ее белый парик отражал миллионы и даже миллиарды ночных огней, биение фар, ручных фонариков, ламп, свечей и всего того что дает свет и гамма-лучи. Грудь ее почти не двигалась, но я точно почувствовал, как затвердели соски, губы стали замыкаться и размыкаться, словно готовые засосать в пучину огненную, а в глазах заерзали зайчики и миллион, пол тонны искр посыпалось из них. Посыпалось на меня. И я узнал ее. Это чувство мне уже знакомо, «будь оно все нахер проклято», подумал я. Это Джесси Силверстоун. Она выдавала идеальные дальние планы благодаря упругим маленьким грудям и широкому тазу, ну вы видели, наверное. У таких девочек обычно ангельские голоса и Джесси не исключение.

– Привет, Джонни – услышал я из персиковых губ.

Джесси, Джесси, что они с тобой сделали. Не сомневаюсь, что они держат тебя взаперти, кормят мандариновыми корками и персиковыми косточками и никто, никто слышишь, никто из этих остроумных мудозвонов, никто из них даже не догадывается, кто ты есть на самом деле. Они издеваются над тобой Джесси. Беги, Джесси. Беги.

Язык распластался, терся о небо, словно кусок желе. Я хотел опустошиться, хотел, как никогда. Глотка вытащила из желудка кокой-то совершенно «не членораздельный пиздец», по-другому, я и не знаю, как сказать и это, пожалуй, все на что меня хватило. Я дал деру так как будто выбегал из под шлейфа цунами высотой с фонарные столбы. Джесси, подумал я. И развернулся на триста шестьдесят градусов. На лице моем скривилась гримаса; зубы блеснули от незначительно идиотской улыбки, которую я из себя выдавил, а правый глаз ходил ходунком, будто объектив. Он выцеливал, выцеливал и, встретившись с миловидным личиком официантки в белом как снег, как рай, как ручка холодильника парике щелкнул его будто «фото на память» сделал. И в проявку.

Жухлые в табачном тумане идола из дерева тоже сверкали словно семафоры. Вокруг них танцевали, кружились стриптизерши – «шивы». Кружились словно сверчки на семафоре. У каждой блестя бельма словно идола, перед лицом мелькали физио, а под ногами голые измученные изуродованные тела, сбивающиеся в комок, словно бродячие собаки на холодном ветру они были, были на огни, на ручные фонарики, лампы, фары, семафоры и вывески торговых центров, дорогих ресторанов, дешевых шалманов и прочего дерьма на аутсайте. Но как же там тихо. Я этого не понимал, пока не надавил на дверь торцевого выхода, который

вел, как вы знаете, это обычно бывает к мусорным бочкам и пожарной лестнице. Слева от меня во мраке ночного тауна и тумана из глубоких подземных люков, торчала фигура в кожаном пальто с дымящейся в руках сигаретой; лупясь по сторонам, видимо ждала, караулила такси, сутенера с куртизанкой, барыгу, или может еще кого. Не знаю. На тот момент мне было все равно. Мне было абсолютно, я бы даже сказал тотально, похуй. Я кайфовал, тащился тишиной и свежим воздухом. Иногда где-то справа я слышал шваркающие шаги, топот копыт, журчание двуклоков и дилижансов. Скрипы натяжных паутин, вен, сосудов. От столба до столба. Потом до следующего столба. Целая кровеносная система, если хотите. Целый новый мир в еще одном большом мире. Позвякивание звезд и луны: луна – белая как рай и чересчур доступная, такая, что обжигает веки, (и они трескаются, словно яичная скорлупа) и дренажирует мокрые после дождя пешеходные переходы. Все кажется в порядке, если бы убрать сверлящий звук идеально смазанных, вылизанных петель торцевой двери. И вот, безупречно прямая полоска света падает на тротуар чуть в стороне от меня. Это был дивный запах, именно дивный. Это был миндальный шампунь. Я нашел его у нее дома через несколько дней после. Я зашел в ванную со зверским стояком искал спрятанную, мол, жидкость для втирания в кожу, сами понимаете и вот наткнулся. Мы трахались по-звериному. Она вела себя как кошка, как пантера, тигрица, я же был талантливым дрессировщиком, шпрыхшталмейстером, если можно так выразиться. Я дергал за нити. Я научился открывать наручники с закрытыми глазами и без ключа, выбираться из смиренной рубашки, я научился языком чистить зубы..., ой да чему я только не научился, ну вы меня и так прекрасно понимаете. Мы занимались любовью каждый день, трахались с дикими, зверскими правилами и без них, еблись как кролики днем, вечером, в дождь, снег, град, звездопад, солнечное и лунное затмения. Во время экономического кризиса, повышения цен на бензин, потом после их снижения и снова повышения; во время футбольного сезона, чемпионатов мира, Европы, Олимпийских игр, пьяными трезвыми, обкуренными, быстрыми, медленными, под кислотой, под грибами, под настольной лампой, под открытым небом в солнцестояние, на каждом миллиметре в салоне моего мустанга. Потом в один день она не взяла трубку. И на следующий. И через день и через неделю. И я больше не звонил по телефону. Никогда. Никому.

Ну, Вы только не подумайте ничего такого. Я нисколько не расстраиваюсь по этому поводу. Если не сказать совсем. И я даже скажу больше, я все еще способен испытывать чувство сострадания, если можно так выразиться, испытывать к людям и не только. К червякам, например которые ползут, ползут, ползут по мокрому асфальту; перекатываются из одной лужицы в другую, потом в следующую, и так до бесконечности, пока какие-нибудь штиблеты на огромной платформе с вбитыми гвоздями не опустятся, словно тенью из самой преисподней и не выдавят из них, этих слизких тварей все потроха. Из мух, муравьев, стрекоз и всякой прочей твари что ползает, жужжит либо забивается в микроскопические норки в коре деревьев. И я всегда опускаю глаза, когда вижу подобные вещи. Меня чуть не стошнило, когда я впервые увидел африканскую розу и Билли Мартышки. Вы только ничего не подумайте у нас девочки чистые и парни тоже. У нас с этим строго. Просто этот падонок насиловал совсем еще сопливых африканок и их матерей пока был типа «в отпуске». Да, здесь они под нашим надзором, под надзором всевозможных штатных сифилологов, венерологов под присмотром больших широких дяденек с тугим портмоне и в дорогих костюмах и прочих слюножуев. Но отдыхать ведь не запретишь, если хотите. Это четко регламентируется. Особенно на Рождество, я и сам не прочь куда-нибудь свалить. Раствориться закопаться в пляжном песке цвета яичной скорлупы где-нибудь на Багамах. Но правила никто не отменял. Не было и случая, ни одного говеного случая, чтобы я, каким бы то ни было образом отступал от кодекса или контракта, даже при походе в магазин за хлебом. Он, контракт, бумажка связывает меня, словно черная вдова навозную муху и я будто парализован, я будто стеклянный, а все остальное сделано из самой прочной стали. Ну а Билли Мартышка забил, видимо, на чертов контракт и вот

получил гриб вместо хуя, по-другому, я и не знаю, как это назвать. Это не так страшно как могло бы показаться, но работать ведь с такой хуйней не будешь. Правильно ведь? На его место тут же находят нового хуя, да так быстро, что не успеваешь даже сопли высморкать, а он как ни в чем не бывало, возвращается на завод таскать металлические трубки и чугуны с раскаленным асфальтом. Хотя, это как повезет. Я бы сказал это самое лучшее, что ему светит, не будь он торчком, ведь все эти «порнозвезды» как их называют – лютые джанки. И если вы не знакомы с таким словом то, по крайней мере, догадываетесь, что оно подразумевает. А наркотики тема специфическая, это знаете как еще один новый мир в другом большом мире. Но мир этот жесток и не мир вовсе. Он – огромная жирная жадная подопытная крыса. И за каждый миллиметр, фут и дюйм взимается повышенная стоимость. Поэтому у Билли, например, раздулся член, поэтому девочки, что глотают малафью, если хотите, проглатывают на камеру, начинают все чаще и чаще непроизвольно рыгать, а те, что занимаются нарвасада-той – терпеть не могут молоко и моргают в совершенно нелепых ситуациях. А про тех, которые по первому зову оператора готовы облокотиться о спинку дивана и раздвинуть по шире ягодицы, про их запоры, плавно переходящие в адское недержание, вы и сами знаете, об этом и говорить не приходится. И все это, все унижения, истязания, дискомфорт, проблемы со здоровьем, если только их можно так назвать, все это дерьмо не забавы ради, а ради дозняка, еще одного и еще. А когда позвякивают тамбурины и меблированные комнаты переполняет запах брезента, пыльных патефонов из которых неумолкаемо льется Френк Синатра, то есть в Рождество, тут уж надо быть в полном боекомплекте. Рождество это самый пик долбоебизма, адских квестов и бэдов даже у самых прожженных торчков, век спаянных доверху набитых пластиковых пакетиков рассованным по всем имеющимся и не имеющимся у вас карманам, в общем, полный коллапс порноиндустрии, если хотите. Или мракобесие, которое традиционно проходит на моей вилле как вы уже, наверное, и сами догадались. Ничего особенного, чтобы вы не подумали, что что-то пропустили. Просто полнейшее расслабление, «релакс», жалкая попытка выкинуть из головы все эти серые низкие потолки в доверху набитых магазинах, метро, муторные очереди в банках и на биржах, серые костюмы, серые отсыревшие пустые коробки и длинные черные лужи на тротуарах. Не более того. Ни менее. Попытка забыть все неудавшиеся планы, съемочные павильоны с кроватями и диванами из папье-маше, с пластиковыми канапе и километрами, килограммами, тоннами бездарно потраченного времени за утренним кофе в чужих квартирах после ночных трипов, где все кажется реальным и не реальным одновременно. Но не в этот раз. Рождеством пахло в каждом уголке моей спальни. Портьеры на окнах автоматически раздвинули бельма, как только стукнуло десять. Обычно я просыпаюсь в 10, а вы? Я предвкушал, то первое, что я увижу: голубой шар над белым, белым как шкура агнца и даже еще белее газоном. Голубой шар был с отблеском желтого, желтого, но совершенно не холодного света. Словно песок, желтого. Я рывком поднялся из кровати с мыслью о том, что сегодня ни один херов ублюдок не наблюдает в мой бассейн. Ни одно говно удалбанное не разобьет дорогущую итальянскую вазу в прихожей, никто, ни одно чмо не забрызгает семенем кожаный раскладной диван, фаянсовую с инкрустированными изумрудами крышку унитаза, кафельный пол на кухне. Там сегодня буду сидеть я и только я. Не будет зудящих физио, с побелевшими лбами. Гамом, шумом из глоток. А только я и мирно кипящий чайник. Он пустит сгусток чада, словно миниатюрный паровозик на кольцевой железной дороге, или соленая баржа. Какой-то мudoзвон крикнет. Но через закрытое наглухо окно до меня долетит, дожужжит лишь слабая какофония. И ничего более. Ничего менее.

Я вышел в полдень, когда сверху на меня покатылся пенопластовый дождь вперемешку с озоновым слоем в виде мелких кристалликов льда. Я слышал, как барахтаются в жиже машины на боковой улице. Я вышел на центральную аллею, потом в каменном парке я приземлился на покатистую лавку и прикусил горлышко эбонитового чубука. Я забился в подъезд; лампы слепили мне глаза. Поднялся на этаж. Мне открыли дверь. После наштигованных

гвоздями штиблет на кафельном полу красном, словно кровь оставались сгустки азота в виде полопавшихся кристалликов льда. На уровне колен стелился бас. В коридоре штабелями валялись оранжевые огнетушители и мокрые рубашки. На уровне глаз мелькали головы. Пахло женскими духами и соловьиным потом. Я осел на покатистую канане и закусил чубук. Чувак, державший в руке пульт от телевизора, предложил мне чай. И не услышал от меня отказа. Чай, Джонни, говорит. А сам щелкает, щелкает. Позади него на плоской кровати под одеялом что-то двигалось. Мимо моего носа челноком проходили голые азиатки. Над маленькими стеклянным столиком в здешней атмосфере купался пар, дым, чад, струи белые как рай, как одеяло, которое двигалось. Как дверца холодильника, которая отворилась. Сегодня рождество, сегодня рождество, с рождеством, с рождеством, слышал я. А под ногами ползали сонные мухи; они путались, запинаясь и сталкивались друг с другом. Мне бы что-нибудь по экзотичнее, говорю, что-нибудь, что никто еще не пробовал. Хорошо Джонни, я прекрасно слышу не нужно так кричать, говорит мне пульт. Тереза, загляни в ящик да не в этот продолжает пульт, в другой загляни. Да, да говорят губы над пультом, и тащи все сюда. Электронные весы запиликали, словно колокол, забили. Я поднял голову от испуга. Потолок белый, белый, словно мел хоть и выложенный клинкерами, швов почти не заметно, думал я. Зато вниз, словно сталактиты свисали тянучки медвяной росы. Я вскинул бельма к окну. Под батареей кишмя кишели муравьи; они разминали плотно сложенные спаянные кубики сахара и собирали из него конусообразную хибару с миллионом, миллиардом крошечных окошечек и туннелей, будто комариные клоаки. Теперь-то понятно, откуда здесь столько тли, думал я. Мне даже показалось, что я заметил муравья-фермера, они о чем-то переговаривались с муравьем-гильотинщиком; оба внимательно слушали, а потом когда доходила очередь, прогоняли каждый свою «телегу», не перебивая ни хуя, не пуская слюней и прочего дерьма, как это обычно бывает, вы знаете..., нет; они словно два удодских дипломата или там банковских прокуратора в выглаженных до нужной упругости костюмах с правильной осанкой, встретившиеся за деловым ленчем. Мне даже стало жутко холодно от всей этой пидорской строгости и формальности. Готово Джонни, услышал я через километры, тонны чада над маленьким стеклянным столиком. Из тумана показалась шестипалая ладонь и шесть белых как дверца холодильника кругляша опустились на мою, пятипалую, затем в карман, под язык, потом между зубами и дальше во внутрь в желудок, привратник, бачек белый, белый, словно вата, переполненный чихнул, смыл. Накинулись опарыши на опарышей крысы. Что-то все же попало через кровеносные сосуды, сонную артерию, височные доли, что-то попало в мозг, но это случилось уже потом. После того как я достал из внутреннего кармана радужного пиджака, достал смятую купюру. Тогда шестипалая запротестовала, я это хорошо запомнил, хоть и все было будто в тумане серо – перламутровом. Это подарок Джонни, сказала ладонь. На Рождество, с Рождеством Джонни, говорит. Тереза убери это обратно в ящик, и рука, ладонь скрылась так же не заметно, как и появилась. Я слышал, как скрипит одеяло, но не видел его, я слышал, как шлепали босые ножки Терезы по кафельному красному, словно Марс полу. Топ-топ-дзынь – так забегали. После того как я спустился в клозет и запер дверь на все имеющиеся и не имеющиеся замки и задвижки. После того как переполненный бачек удалил смятую купюру, после того как ее обнаружили опарыши, затем позырили в оба красных, словно линии на ладонях, позырили красные бельма крысы. Все это произошло уже после того как мне адски захотелось выбраться на улицу, а вы знаете какая прекрасная погода в Рождественский день. В клозете на мягком полу подбоченья к ершику стояла мигающая елочка. Точная копия той, что у меня только мини-экземпляр. Я вспомнил, как скинул с себя одеяло и первым делом выдернул телефонный провод из спутника. Странно бывает иногда что-то вспомнить. Странно бывает запомнить какую-то совсем незначительную хуйню, которую вы бы и не заметили. Даже если сфокусировать на нее тридцатидюймовым объективом. Все равно бы не вспомни... Куда вы смотрите? Вам интересно, зачем тут собраны чемоданы и авиабилеты? Они здесь давно. Сложно сказать насколько. Но они стоят здесь уже после

того как я сблямзал по лестнице. После того как я услышал песню, песню, кукушки. Настолько прекрасную, мать ее, что богом клянусь ничего подобного я уже и не надеюсь услышать. Она пела сквозь вентиляционную сетку. Но не успел я вывинтить все задвижки на белой, словно шкура агнца двери клозета, как что-то ебнуло меня в бок, я повалил мигающую мини-елку, растоптал ершик. Два тела упали; одно на бочек, другое получило удар в висок; кусок фаянсового черного как уголь и блестящего как роса толчка отлетел в стену. Брызнула кровь; бочек зашумел, засвистел, вывалились жилки, куски, сгустки кровеносных сосудов и вен – прыск-прыск; жух-жух – переполненный, сверху до низу бочек вывернул себя на изнанку. Набросились опарыши, на них набросились крысы, но все это случилось уже потом.

Через болтающуюся, словно маятник поскрипывающую дверь клозета было видно, как в коридоре мерцают люминесцентные лампы; они переговариваются друг с другом. Прислонившись к зеркальному шкафу, стояли, мялись две куртизанки, стояли там, в коридоре будто пришибленные. Стояли, лупились, шаркали башмаками на огромной платформе. Плечи и грудь прикрыты татуировками типа там стрелами с охувшими от счастья ангелами и прочей фигней из того же разряда. Особый тип белья – вот что их выдает. Ни мэйк-ап, ни дырявые чулки – это все для прикрытия. Белье и лупила. Длинные упрямые бельма с впадинами и динамичным поблескиванием, если позволите, словно лампы в потолке; белые, словно дверца у холодильника, словно рай. Это напомнило мне одну такую пришибленную. Я сразу выделил ее из толпы и, не сомневаясь, тыкнул на нее пальцем. Что-то переворачивалось внутри меня, когда я ее видел. Яйца чудовищным образом наливались, и я понимал, что невероятно хочу оплодотворить эту самку. Вот и сейчас также, подумал я. Рывком кое-как я выбрался из угла клозета, топча елочные украшения, мишуру и ангельский дождь, распластанный по залитому кровью полу. Среди всей этой суматохи и неразберихи я слышал кучу голосов, но пропускал все их мимо ушей кроме криков. Экстатических воплей, если можно так выразиться, таких мелодичных что грех было им не подпеть. Я взял силой. Зеркала идеально передавали картинку. Это главная их функция в этом спору нет. Мой член работал как ракета. Несколько раз я ощущал легкое подергивание и мигающее и вновь исчезающее тепло, словно парное молоко обливало мою спину, ноги, руки, грудь, голову. Я слышал как падает дверь, как ломаются кости, слышал как течет кровь, на плите кипел чайник, повар в головном уборе белом, как и его фартук сновал по кухне, словно обрубленный пидор и матерился про себя так тихо, тихо, словно бой настенных часов у него над головой. Я слышал, как шуршит одеяло, как проседают кнопки на пульте в соседней комнате, но все это было уже потом. После того как я прошелся, прошелся в несколько кругов по двум этим пришибленным сучкам, после того как разбилось зеркало, после того, как что-то во мне перевернулось и яйца мои вздрогнули словно под напряжением. Я трахал их так эпично, если это слово здесь уместно, так эпично, что все остальное мало меня волновало, а если и волновало, то казалось таким не существенным что исчезало в тумане, в сумраке бесконечных лабиринтов, обоссанных переходов и коридоров.

Я вышел на улицу когда уже смеркалось. Тротуары превращались в поле битвы. Снег распадался прямо в воздухе и долетал до меня в виде застывших кристалликов льда. Было тихо. Но вывески магазинов по бокам улицы все еще горели, горели синим, красным, фиолетовым, как в кино, вы знаете. Из рта пар – дымился такого же цвета. Он раскрашивал капли льда во все цвета радуги и указывал мне путь. Но это все случилось уже после. После того как я очутился в совершенно незнакомом мне месте. Сложно было сказать на аутсайте это или инсайте, под водой или в небе, в нашу эпоху либо доисторическую. Ощущение, чувство распада присутствовало, сопровождая каждое незначительное движение, каждый незначительный шорох. Мой один хороший друг сидел, свесив руки с коленей, и напевал что-то очень знакомое. Все было увешано гитарами, словно сталактиты они слетали с потолка и разбивались вдребезги. Длинный обвешанный лампами коридор уходил в неизвестность, в неизвестность уходили следы на снегу, в неизвестность уходил я...

Когда я проснулся, из головы у меня шла кровь и из ушей и из носа. Куртизанки голые, будто поросята валялись в прихожей, прижимаясь к стеклянному шкафу. Бочек извергал брызги, как пожарный кран, красное тело становилось черным и наоборот. Кто-то завопил как обрубленный. В соседней комнате что-то разбилось, упало, сломалось и покатилося, катилося (это был, наверное, пульт от телевизора) потом непонятный шорох и бамс-бамс – запахло порохом и миллионы, миллиарды машин на аутсайте запиликали, словно ненормальные; в голове запиликало, забилося, казалось, что сейчас меня вывернет наизнанку, но все это случилось уже потом. Когда я вышел на лестничную клетку. Старуха с тростью зырила на меня как на статую Иисуса, а тем временем «свиньи» уже пустили дым. Я слышал, как они трутся железными щитами там внизу, слышал, как стучат их казенные ботинки по бетонным ступеням; серое ядовитое облако застилало мне глаза, из глотки посыпался недопереваренный завтрак... Есть, знаете ли, сквиртовые девочки, которые кончают, словно фонтаны, и ты будто омовение делаешь..., ну так вот старуха членом чую – она такая же была в молодости, отпадная баба была в молодости. И я бы с удовольствием оприходовал, отделал ее прямо здесь, думал я, под лампами прямо, и в дыму, в дыму, сквозь который и рук-то не видно не говоря уже о чем-то другом. Несомненно, оприходовал бы, будь мы в другой эпохе, лет так двадцать назад, но нужно сливаться, думал я, сливаться пока «свиньи» не прищакалили и не впечатали меня мордой в бетон, сливаться через люк, а дальше по мусоропроводу на мансарду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.